

ЛЕГЕНДАРНЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
МЕМУАРЫ

АНАСТАС МИКОЯН

СТАЛИН

КАКИМ Я ЕГО ЗНАЛ

Анастас Иванович Микоян
Сталин. Каким я его знал
Серия «Легендарные
политические мемуары»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11953677

*Анастас Микоян. Сталин. Каким я его знал: Алгоритм; Москва; 2015
ISBN 978-5-906789-82-2*

Аннотация

Анастас Иванович Микоян занимал высшие должности в советском руководстве. При Сталине он был наркомом снабжения, наркомом пищевой промышленности, наркомом внешней торговли, заместителем председателя Совнаркома. В своих воспоминаниях он показывает неоднозначную личность Сталина, говорит как о положительных, так и об отрицательных сторонах его деятельности. Мемуары А. И. Микояна носят, безусловно, очень личный, субъективный и зачастую предвзятый характер, но содержат много подробностей о жизни вождя, которые были известны только самому автору.

Содержание

Предисловие	5
Мои отношения со Сталиным	10
«Завещание» Ленина	29
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анастас Микоян

Сталин. Каким я его знал

© Микоян А. И., правообладатели

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Предисловие

Анастас Иванович Микоян родился 13(25) ноября 1895 года в селе Санаин Тифлисской губернии (ныне север Армении). Окончив сельскую школу, поступил в духовную семинарию в Тифлисе.

Его сын Серго рассказывал, что со своей будущей супругой Ашхен Анастас Микоян являлись дальними родственниками. Когда Анастас учился в семинарии, летом возвращался в родную деревню, Ашхен же жила в соседней деревне «на другом плато, за ущельем». Однажды Микояна попросили позаниматься с ней как репетитору, так начались их отношения. «Когда в 1917-м он уезжал в Тифлис, у них встал вопрос о женитьбе. Но отец сказал, что уходит в революцию, с ним всякое может случиться. «Если меня убьют, ты станешь молодой вдовой. Тебе это осложнит жизнь», – сказал он. Решили отложить женитьбу до его возвращения. Но он не вернулся, а вызвал ее в Нижний Новгород, куда был направлен в 1920 году».

В конце 1914 года Анастас Микоян записался в армянскую добровольческую дружину Андраника, после чего воевал на Турецком фронте вплоть до весны 1915 года, но из-за заболевания малярией оставил армию. После возвращения в Тифлис, вступил там в РСДРП(б).

В духовную академию в Эчмиадзине поступил в 1916 го-

ду, а в следующем году вел партийную работу в Тифлисе и в Баку.

Перед взятием Баку турками Микоян добился у главы Диктатуры Центрокаспия Велунца разрешения на освобождение и последующую эвакуацию бакинских комиссаров. Вскоре Анастас Микоян вывез комиссаров на пароходе «Туркмен», но в Красноводске они были арестованы. Микоян был освобожден в феврале 1919 года и в марте того же года возглавил Бакинское бюро Кавказского крайкома РКП(б).

В октябре 1919 года был вызван в Москву, где стал членом ВЦИК. С 1920 года Микоян был вновь на Кавказе. С занятием Баку большевиками вступил в город в качестве уполномоченного Реввоенсовета XI армии и после чего до 1920 года руководил Нижегородским губкомом.

* * *

По рекомендации Сталина, Микоян с лета 1922 года был назначен секретарем Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), а затем и председателем Северокавказского краевого комитета партии. С 1922 года был кандидатом, а с 1923 года – членом ЦК РКП (б)

По рекомендации Сталина, Микоян с 1926 года являлся кандидатом в члены Политбюро, а также народным комиссаром торговли. С 1930 года был наркомом снабжения, а с 1934 года – наркомом пищевой промышленности.

С 1929 года – кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). С 1935 года стал членом Политбюро, с 1937 года – заместителем председателя Совнаркома, а в 1938–1949 годах – наркомом внешней торговли.

С 1941 года А. И. Микоян был председателем комитета продовольственно-вещевого снабжения РККА, а также членом Совета по эвакуации и Государственного комитета по восстановлению хозяйства освобожденных районов, с 1942 года был членом Государственного комитета обороны.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1943 года за особые заслуги в области постановки дела снабжения Красной Армии продовольствием, горючим и вещевым имуществом в трудных условиях военного времени Анастасу Ивановичу Микояну было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и медали «Серп и Молот».

В 1946 году Микоян был назначен на посты заместителя председателя Совета Министров и министра внешней торговли СССР.

В 1949 году был снят с поста министра внешней торговли, а в 1952 году Сталин подверг его резкой критике на пленуме ЦК после XIX съезда. Микоян был избран в Президиум ЦК, но не был включен в бюро Президиума, заменившее Политбюро.

После смерти Сталина Микоян вновь был назначен на посты заместителя председателя Совета министров и министра

внутренней и внешней торговли (с сентября 1953 года – и министра торговли).

* * *

В острых политических вопросах Микоян всегда занимал уклончивую позицию.

Так, во время обсуждения судьбы Берия он согласился со всеми обвинениями, но в то же время выразил надежду, что Берия «учтет критику».

Аналогичная позиция была у него поначалу и относительно разоблачения «культа личности» Сталина: когда на заседании Президиума ЦК перед XX съездом в 1956 году Хрущев предложил обсудить вопрос об осуждении действий Сталина, Микоян не высказался ни за, ни против. Однако во время съезда выступил с антисталинской речью (хотя и не называя Сталина по имени), заявив о существовании «культа личности», подчеркнув необходимость мирного сосуществования с Западом и мирного пути к социализму, подвергнув критике труды Сталина – «Краткий курс истории ВКП(б)» и «Экономические проблемы социализма в СССР». Вслед за этим Микоян возглавил комиссию по реабилитации заключенных.

На пленуме ЦК 1957 года твердо поддержал Хрущева против антипартийной группы, чем обеспечил себе новый взлет партийной карьеры. 5 июля 1964 года Анастас Микоян

был избран на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Во время Октябрьского (1964 г.) пленума ЦК КПСС пытался осторожно защищать Хрущева, подчеркивая его внешнеполитические заслуги. В результате в декабре 1965 года Микоян был отправлен в отставку, как достигший 70-летнего возраста. При этом Анастас Микоян остался членом ЦК КПСС и членом Президиума Верховного Совета СССР (1965–1974), получил шестой орден Ленина.

Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище; на его могиле есть эпитафия на армянском языке.

Мои отношения со Сталиным

До революции о Сталине я знал только по его работе «Национальный вопрос и социал-демократия», которую мы, наряду с книгами Шпрингера и Отто Бауэра, штудировали в марксистском кружке в 1915 г., когда я учился в семинарии. Труд Сталина произвел на меня хорошее впечатление.

Позднее, до конца 1917 – начала 1918 г., я о Сталине не слышал. Во время Бакинской коммуны Сталин был в Москве, прислал несколько телеграмм Шаумяну, и он некоторые читал вслух. Он с уважением относился к Сталину, но особой теплоты в его высказываниях в отношении Сталина я не замечал. Да и ни от одного активного коммуниста я о Сталине, будучи в Баку, в тот период ни слова не слышал.

Потом, когда мне говорили о работе Сталина в Закавказье, особенно жена Шаумяна Екатерина Сергеевна, то рассказывали, что Сталин, будучи в Баку, вел себя как склочник, подсиживал Шаумяна, что в какое-то время работы бакинской организации он и Спандарян захватили руководство в свои руки.

Сам Сталин потом, через несколько лет, о жене Шаумяна говорил: «Эта женщина, как самка, думает только о своих птенцах, она часто враждебно смотрела на меня, потому что я втягивал ее Степана в такие конспиративные дела, которые пахли тюрьмой. Бывало так, что мы со Спандаряном во-

рвемся в квартиру и говорим: «Степан, собирайся, идем на такое-то нелегальное собрание». Степан сразу же соглашался и шел. Она же не могла спрятать своего неприязненного отношения ко мне».

Вообще, Сталин и Шаумян считались друзьями, но такой оттенок отношений между ними был. Сын Шаумяна, когда в 1917 г. по поручению отца ездил в Москву, жил на квартире у Сталина. Но после смерти Шаумяна Сталин не хотел поддерживать близких отношений с его семьей. Он относился неплохо к его старшему сыну, но не проявлял теплоты и дружбы.

Таким образом, до 1919 г. мне не приходилось сталкиваться со Сталиным и узнать о нем что-то особенное. Его не было заметно. Даже не смотря на то, что он был наркомом по делам национальностей и членом Политбюро.

* * *

Когда в Закавказье образовались буржуазные государства, которые отделились от России, мы, не советуясь с товарищами из центра, пришли к выводу, что будем бороться за Советский Азербайджан, приняли на Бакинской конференции такое решение и в газетах широко пропагандировали такой лозунг, что было новым словом в Закавказье по национальному вопросу. Советский Азербайджан, считали мы, должен находиться рядом и действовать рука об руку с Советской

Россией.

Вслед за этим встал вопрос, какая же партия может быть: просто РКП(б) в Азербайджане или же это надо изменить, и как? Выдвигая эти лозунги и вопросы, мы исходили из того, что то же самое будет и в Армении, и в Грузии.

Позже мы узнали, что в Москве создан ЦК Компартии Армении, хотя этот вопрос никогда на Кавказе никем не обсуждался. Этого решения добился в Москве Айкуни при помощи Сталина, и, по существу в эмиграции, в Москве, а не в Армении, была создана Компартия Армении и ее ЦК. Поначалу нас это не возмущало, так как мы полагали, что эта партия создана для эмигрантов-коммунистов из Турецкой Армении, и считали, что это разрешится с образованием Армянского государства на базе Турецкой Армении.

Но в 1919 г., когда Турецкая Армения оказалась отрезанной, к нам стали приезжать от образованного в Москве ЦК Армянской компартии агенты, чтобы объединить работу коммунистов-армян Грузии и Азербайджана. При этом они говорили, что руководствуются указаниями ЦК РКП(б) и ему подчиняются. Я понял, что это делается через Сталина, и это внутренне настраивало меня против него. Направлялся вывод, что он такие вопросы решает неправильно, не пытаясь узнать мнение наших организаций.

Когда в конце октября 1919 г. я прибыл в Москву для решения национального вопроса в ЦК партии, я узнал, что Сталин провел также через бюро предложение Нариманова,

по которому в Азербайджане создается партия «Гуммет», объединяющая коммунистов только азербайджанской национальности. Причем, и это решение было принято без опроса бакинских большевиков, тех коммунистов разных национальностей, которые работали в Азербайджане, а по требованию тех эмигрантов, которые уехали в Москву: Мусабекова, Нариманова, Эфендиева, Султанова. Таким образом, выходило, что в Азербайджане все коммунисты – не азербайджанцы (русские, армяне и другие) должны входить в РКП непосредственно, а азербайджанцы – в «Гуммет», связанную с ЦК РКП(б).

Несуразность и антибольшевизм этих методов организации вызвали у меня возмущение. И когда я прибыл в Москву, я не попросился к Сталину на прием. Раз как-то встретились в коридоре, поклонились друг другу и, не обмолвившись ни словом, разошлись. О всех вопросах краевой партийной организации я подробно, в течение двух часов рассказывал Ленину, который отнесся благожелательно к моему сообщению и обещал обсудить поставленные мною вопросы на Политбюро. Он послал мои письменные предложения на заключение Сталину (тот, будучи одновременно членом Военного совета Южного фронта, выехал в Серпухов под Москву), но от Сталина не поступило никакого заключения. Напоминание о присылке заключения также осталось без ответа. Не было его и на заседании Политбюро, когда рассматривались мой доклад и предложения по национальному вопро-

су. Я же требовал отмены некоторых решений ЦК, не называя имени Сталина. Ленин, понимая, что речь идет об отмене решений, принятых по предложению Сталина, поддержал меня в главном вопросе, а именно: партия должна строиться по территориальному принципу, а не по национальному. Был подготовлен проект решения, но он не был принят до получения мнения Сталина, поскольку линия Сталина играла большую роль как члена Политбюро и наркома по делам национальностей.

Я уже не мог больше ждать: надо было возвращаться на Кавказ, на подпольную работу, и я уехал, недовольный поведением Сталина. И только спустя многие годы, обдумывая случившееся, увидел, что сам допустил ошибку. Мне казалось, что раз Ленин отнесся хорошо к поставленным мною вопросам, то все и пойдет хорошо. Мне и в голову не пришло тогда попросить встречи со Сталиным и в дополнение к моей записке дать свои разъяснения, послушать его замечания. Я этого тогда не сообразил сделать.

Однако вскоре, через несколько месяцев, события развивались так быстро, что мои предложения были осуществлены.

Когда в декабре 1920 г. я приезжал в Москву на съезд Советов, я не встречался со Сталиным: все не мог простить ему неправильно принятых по его предложению решений. И дело даже не в самой сути этих разногласий. У меня осталась обида на то, что он решал у нас за спиной, ни с кем не посо-

ветовавшись.

* * *

В марте 1921 г. я был делегатом на X съезде партии. После одного из заседаний, когда приближалось обсуждение вопроса о выборах ЦК, меня, как представителя Нижегородской организации, стоящего на ленинской платформе, вдруг пригласили на совещание в Кремль. Это было часов в 7–8 вечера. В небольшой комнате собрались Ленин, Сталин, Каменев, Петровский, Каганович, наверное, и Молотов был, Шмидт, Рудзутак, Рыков. Ленин сидел за столом, Сталин позади Ленина ходил и курил трубку.

Когда Ленин предложил собрать сторонников платформы втайне от других, чтобы наметить кандидатуры для выборов в ЦК, Сталин, который все время молчал, подал реплику: «Товарищ Ленин, это же будет заседание фракции, как это можно допустить?» Ленин ответил: «Смотрите, старый и рьяный фракционер – и боится организации. Вот странно! В это время, пока мы здесь сидим, троцкисты второй раз собираются. У них уже готов список кандидатов в ЦК. Они ведут свою работу. Нельзя с этим не считаться. Надо подготовиться, чтобы не дать им возможности победить, а то они могут провести много своих людей в ЦК». Действительно, тогда на съезде авторитетных деятелей было сравнительно мало, и те в большинстве были на стороне Троцкого. На стороне же Ле-

нина были организаторы из рабочих. Вот такой характерный обмен репликами произошел между Лениным и Сталиным. И тогда у меня со Сталиным не было личного разговора.

Еще одна публичная встреча со Сталиным произошла при обсуждении его доклада по национальному вопросу. В нем было одно место, которое я считал неправильным. Характеризуя районы России в смысле подготовленности к социалистической революции, он из Закавказья выделил Азербайджан, отнеся его к отсталым феодальным районам Востока, где речь может идти только о ликвидации феодализма.

Я знал, что азербайджанцы не могли быть с этим согласны, и ждал, что кто-нибудь из азербайджанской компартии опровергнет это утверждение, но никто из них не выступил. И тогда выступил я, выступил резко, касаясь только азербайджанского вопроса, хотя был делегатом Нижегородской партийной организации.

Это не было попыткой отомстить или чем-то подобным. Нет, это были мои принципиальные взгляды. Во-первых, я считал, что ничего нового по национальному вопросу не было сказано сверх того, что было ранее сказано и написано Лениным. Вместе с тем возникли новые вопросы, на которые докладчик не дал ответа. Во-вторых, я подверг критике концепцию Сталина о том, что Азербайджан относится к тем отсталым районам Востока, для которых советская система не подходит ввиду социальной незрелости населения.

Я оспаривал эти утверждения, считая, что Азербайджан

не такой отсталый, чтобы там нельзя было создавать Советы, тем более что Советы там уже созданы, что наличие крупного центра Баку оказывает свое революционизирующее влияние на крестьянство, на деревню.

Сталин в заключительном слове выступил против моих высказываний, заявив, что по Баку нельзя судить обо всем Азербайджане, доказывал, что прав он, а не я.

* * *

Поворот в наших отношениях произошел после той роли, которую сыграла моя партийная работа в Нижегородской организации. Эти объяснения являются моими предположениями, так как я об этом со Сталиным никогда не разговаривал. Но через год, накануне XI съезда партии, меня по телефону вызвали в ЦК, где сказали, что нужно идти к Сталину на квартиру. Там он принял меня тепло и передал поручение со ссылкой на Ленина и ЦК: ехать в Сибирь на помощь ленинцам, чтобы на съезде не оказалось много троцкистов.

В то время, когда кончилась беседа со Сталиным, в квартиру к нему неожиданно для меня вошел Ленин.

Эта встреча была поворотным пунктом в отношениях со Сталиным в положительную сторону, в сторону взаимного доверия. И Сталин выиграл в моих глазах: я увидел, что он является правой рукой Ленина в таких важных внутрипартийных вопросах. Это было на самом деле большое поруче-

ние, раз такое доверие ЦК оказывал мне через Сталина.

После XI съезда партии Сталин стал энергично проявлять себя по подбору кадров, организации и перестановке их как на местах, так и в центре. И то, что он делал, насколько я знал, и в том, что касалось моей работы, мне нравилось. Это были меры по организационному подтягиванию, по обеспечению руководства ЦК, слабость чего ощущали до этого в местных организациях, а также в центральных ведомствах.

Позднее, когда мне приходилось перед ЦК ставить практические вопросы, они всегда находили со стороны Сталина правильное понимание. Он быстро схватывал суть дела, и я не помню ни одного случая, чтобы наши серьезные предложения были отклонены ЦК или правительством.

Все это укрепляло мое доверие к Сталину, и я стал часто обращаться к нему, а во время поездок в Москву бывать у него.

Весной 1923 г., кажется в мае, будучи в Москве, я зашел к нему днем на квартиру. Он жил тогда в первом доме направо от Троицких ворот, на втором этаже двухэтажного дома. Комнаты простые, не особенно просторные, кроме столовой. Кабинет был даже очень маленький.

Сталин вышел из кабинета с перевязанной рукой. Я это увидел впервые и, естественно, спросил, что с ним. «Рука болит, особенно весной. Ревматизм, видимо. Потом проходит». На вопрос, почему он не лечится, ответил: «А что врачи сделают?» У него было скептическое отношение к вра-

чам и курортам. До этого он один раз отдыхал в Нальчике, в небольшом домике, без врачебного надзора. А потом ни на каких курортах не был и не хотел бывать.

Узнав о ревматических болях, я стал уговаривать его поехать на мацестинских ваннах. При этом сослался на Председателя ЦКК Сольца, который каждый год ездил в Мацесту и очень хвалил ее. Знал я это потому, что тогда не было прямых поездов Москва-Сочи, поэтому Сольц ездил через Ростов и останавливался у меня на квартире. Я говорил Сталину: «Поезжай, полечись». (Мы были уже на «ты».) Он спорил. «Зачем сопротивляешься? Поезжай. Если ничего не выйдет, больше не поедешь. Ведь надо считаться с тем фактором, что это хороший курорт и место для лечения, о котором все так говорят. Зачем терпеть боль в руке?» Словом, еле-еле уговорил.

Привезли его в Сочи, поместили в купеческом домике из трех спальных комнат и одной столовой-гостиной. Этот домик и сейчас сохранился. Я выбрал этот домик и предложил Сталину там поселиться, ведь это было в пределах моего края.

Мацеста на Сталина повлияла очень хорошо. К концу курса лечения он получил большое облегчение. Боль в руке почти прошла. Он был очень доволен. Но врачи сказали, что одного курса недостаточно, и он стал ездить в Мацесту каждый год. Я его всегда там навещал.

Сочи так понравились Сталину, что он ездил туда даже

тогда, когда уже не нуждался в мацестинских ваннах. Только после войны он провел одно лето в Ливадии, поселившись в Ливадийском дворце. Честно говоря, я был этим очень недоволен. Ведь до войны дворец считался курортом для трудящихся крестьян. Это было, на мой взгляд, политической бестактностью.

* * *

В Москве мы встречались со Сталиным у него на квартире, когда я приезжал туда по партийным делам. Сталин тогда работал во всю силу. Не так много по времени (мы, молодые, больше работали), но, учитывая его способности, он был в полной форме, что вызывало к нему уважение, а манера поведения – симпатию.

Со Сталиным в обращении мы так и остались на «ты». Вообще со Сталиным очень узкий круг лиц был взаимно на «ты»: Орджоникидзе, Калинин, несколько позже – Молотов, Ворошилов, затем Киров, Бухарин, Каменев. (Каменев и Сталин дружили еще на Кавказе и в ссылке встречались, в Минусинске, вместе прибыли в Петроград и работали в редакции «Правды», находились в хороших отношениях друг с другом до известной поры.) Некоторые из перечисленных товарищей обращались к нему «Коба» – это была его партийная кличка. Редко Орджоникидзе называл его «Сосо» – уменьшительное от «Иосиф».

В личной жизни Сталин был очень скромен, одевался просто. Ему очень шла гражданская одежда, подчеркивавшая еще больше его простоту. Часто я у него обедал дома и на даче один или, до середины 30-х гг., с женой. Между прочим, моя жена безоговорочно верила Сталину, уважала его и считала, что все беззакония, которые творились, делаются без его ведома.

Раньше обеды у Сталина были как у самого простого служащего, обычно из двух блюд или из трех: суп на первое, на второе мясо или рыба и компот на третье. Иногда на закуску селедка. Подавалось изредка легкое грузинское вино.

Но после смерти жены, а особенно в последние годы, он очень изменился, стал больше пить, и обеды стали более обильными, состоявшими из многих блюд. Сидели за столом по 3—4 часа, а раньше больше получаса никогда не тратили.

Сталин заставлял нас пить много, видимо, для того, чтобы наши языки развязались, чтобы не могли мы контролировать, о чем надо говорить, о чем не надо, а он будет потом знать, кто что думает.

Постепенно он стал увлекаться разнообразной едой. Обстановка обеда или ужина была организована разумно в том смысле, что девушки, которые подавали, ставили закуски на стол сразу, а супы — на другой стол. Каждый брал то, что хотел, потом подходил к другому столу, наливал себе тот или другой суп, брал чистую салфетку. Словом. самообслуживание. Одновременно за едой обсуждались разные вопросы, он

даже говорил, что это вроде политического клуба.

Сталин очень любил рыбные блюда. Несколько сортов всегда было: дунайскую сельдь очень любил, керченскую, рыбца копченого, шемаю копченую, отварную рыбу, птицу любил – цесарок, уток, цыплят. Любил тонкие ребра барашка, сделанные на вертеле. Очень вкусная вещь. Тонкие ребра, мало мяса, сухо зажаренные. Это блюдо всем всегда нравилось. И перепела отварные. Это были самые лучшие блюда.

Бывало, часа два посидим, и уже хочется разойтись. Но он заводил беседу, задавал вопросы на деловые темы. Обычно все проходило нормально, но иногда он, не сдерживая себя, горячился, грубил, нападал на тех или других товарищей. Это оставляло неприятный осадок. Но такое было не часто.

* * *

Я наблюдал за Сталиным, сколько он ел. Он ел минимум в два раза больше меня. А я считал, что объедаюсь. Например, он брал глубокую тарелку, смешивал два разных супа в этой тарелке, потом по крестьянской привычке, которую я знал по своей деревне, крошил кусочками хлеб в горячий суп и покрывал все это другой тарелкой – пар сохранялся там, и хлеб впитывал влагу – и доедал все это до конца. Потом закуски, вторые блюда, много мяса. Ел он медленно, запивая вином.

Он любил выдумывать и заказывать блюда, неизвестные нам. Например, стал заказывать поварам и постепенно совершенствовать одно блюдо: не то суп, не то второе. В большом котле смешивались баклажаны, помидоры, картошка, черный перец, лавровый лист, кусочки нежирного бараньего мяса, и все доводилось до готовности. Это блюдо подавалось в горячем виде и ставилось на тот стол, где мы брали первое. Когда открывали котел, то шел приятный аромат. Туда добавляли кинзу и другие травы. Блюдо было очень вкусным. Сталин дал ему название «Арагви».

Один раз Сталин сказал, чтобы я организовал доставку в Москву нельмы. Это было нетрудно, стали привозить сырую рыбу. Я впервые в жизни узнал, что можно есть сырую рыбу. Вначале было противно даже трогать ее. Но потом понравилось. Крепко замороженная, как камень, тонко наструганная ленточками, она сразу подавалась на стол, чтобы не разморозилась. Пробовали сперва несмело, а потом понравилось. Ощущение во рту было приятное, как будто кондитерское изделие. Брали рыбу, потом чеснок и соль, и сразу же запивали рюмкой коньяку.

Когда отношения со Сталиным у меня были еще хорошие, я иногда посылал ему несколько бутылок новых вин, главным образом грузинских или крымских. Это ему нравилось. Но с началом репрессий и усилившейся мнительностью Сталина я перестал это делать. Когда же появился Берия, то он стал присылать Сталину разные сорта вин. А пили мы их все

вместе. В последние годы, когда мнительность Сталина резко возросла, он делал так: поставит новую бутылку и говорит мне или Берия: «Вы, как кавказцы, разбираетесь в винах больше других, попробуйте, стоит ли пить это вино?» Я всегда говорил, хорошее вино или плохое – нарочно пил бокал до конца. Берия тоже. Каждое новое вино проверялось таким образом. Я думал: почему он это делает? Ведь самое лучшее – ему самому попробовать вино и судить, хорошее оно или плохое. Потом мне показалось, и другие подтвердили, что таким образом он охранял себя от возможности отравления: ведь винное дело было подчинено мне, а бутылки присылал Берия, получая из Грузии. Вот на нас он и проверял...

* * *

Но, как правило, атмосфера во время этих обедов была товарищеская, особенно до войны. Рассказывали разные вещи, которые всех могли интересовать, говорили о своей работе. Я много рассказывал, как занимали Баку в 1920 г., как сидел в закаспийских тюрьмах, о кавказских делах. Особо я хвалил Ефремова, командира отряда бронепоездов, который первым прорвался в Баку. С моих слов Сталин составил очень высокое мнение о Ефремове – это помогло мне вытащить его из тюрьмы и дать командование армией.

Я рассказывал и о делах – успехах и недостатках, всегда откровенно говорил о трудностях на рынке, в снабжении на-

селения, о жалобах. До последних лет он слушал меня внимательно и ценил такую информацию, а я этим пользовался.

Потом, особенно после войны, Сталин стал раздражительным. Я же по старой привычке рассказывал ему все, что знал, что происходит в стране, что народ волнуется. Говорил, что нет мяса, нет некоторых товаров, и о других недостатках. Сталин стал нервничать, сердиться – почему нет? Раз он очень раздраженно стал меня допытывать, почему нет продуктов. Я ответил, как думал. Это было время, когда Маленков в Совмине ведал сельским хозяйством. Я сказал Сталину: «Пусть Маленков скажет, почему отсутствуют необходимые продукты, ему легче это сделать». Я правду говорил. Сталин посмотрел на Маленкова. Тот молчал, делая вид, что со мной спорить нечего. Сталин, видимо, понял, не стал допрашивать Маленкова, ибо тот все равно не мог ничего объяснить.

И до этого, и в данном случае Маленков или Берия наступали мне на ногу под столом, давая понять, чтобы я перестал такие откровенные вещи говорить. Я смотрел на них удивленно. Потом, когда спорил с ними, доказывая, что я прав, они мне говорили: «А какая польза от этого? Это только раздражает Сталина. Он начинает нападать то на одного, то на другого. Ему надо говорить все то, что понравится, чтобы создать атмосферу благополучия, не портить обстановки за обедом». Я срывался еще несколько раз, но меня вновь предупреждали, и постепенно я стал говорить о делах мало и между прочим.

Но когда я докладывал решение о снижении цен на товары, я ему прямо говорил о положении с этим делом. Начиная с 1949 г., обычно я подготавливал проекты решений о снижении цен на товары. Я говорил, что нельзя снижать цены на мясо и сливочное масло, на белый хлеб, во-первых, потому, что этого у нас не хватает, и, во-вторых, отразится на закупочных ценах, что отрицательно скажется на производстве этих продуктов, а при нехватке этих товаров да при таком снижении цен будут огромные очереди, а это приведет к спекуляции: ведь рабочие не смогут днем в магазин пойти, значит, товары будут скупать спекулянты. Государство от этого только потеряет и рабочих не заинтересует. И насчет белого хлеба: население мало его потребляет, а снижение цен на белый хлеб без снижения на черный нарушит пропорцию между ними и искусственно поощрит спрос на белый хлеб. Его же у нас тоже не хватает. Но Сталин настаивал, говоря, что это нужно сделать в интересах интеллигенции.

* * *

Наши хорошие отношения – когда они были хорошими – создали для меня благоприятную атмосферу для товарищеской работы и нормальных деловых разговоров со Сталиным. Когда-то, в начале 1930-х гг., он умел спокойно выслушать или высказаться недлинно, но метко, быстро схватывая, о чем говорили, любил, чтобы кто-нибудь вечером бы-

вал у него. Бывали Молотов, Ворошилов, я, Орджоникидзе, Киров, когда приезжал. Тогда не было обильного обеда, обильной выпивки, больше сидели за чаем. Такие встречи помогали ему получать информацию, память у Сталина была отличная. Но в послевоенные годы память у него стала сдавать сильно. Однажды он даже забыл фамилию Булганина в его присутствии.

Сталин не любил широкого круга людей, посещения заводов, колхозов, собраний, что до 30-х гг. еще как-то выносил. Кажется, был тогда на заводе «Динамо» и еще где-то, но мало. Однако из бесед с окружающими товарищами, из их информации он много знал, так как эти люди, как правило, были квалифицированными, умеющими правильно разбираться в фактах и событиях, и поэтому Сталин был в целом в курсе всего того, что происходит в стране и за рубежом.

В 1934 г. он настолько привязался ко мне, что по вечерам мы сидели долго, говорили, он мне советы давал. Однажды предложил остаться ночевать у него на даче. Я, конечно, остался. Звонил жене, что остаюсь ночевать у Сталина. Это был первый случай, когда я не ночевал у себя дома. Для жены это было нежелательно. Прошло несколько дней, и он опять предложил остаться ночевать. Я снова предупредил жену, что не приду домой, так как она всегда меня ждала, в какое бы время я ни приходил. Когда это произошло в третий раз, вижу (хоть жена не говорит прямо, но по глазам видно), что она не знает, верить мне или нет. А как можно

было проверить, что я у Сталина? Можно было верить только на слово. Правда, она меня знала, никаких оснований для ревности за всю нашу жизнь у нее не было. И все же в следующий раз, когда Сталин стал оставлять меня ночевать, я сказал, что моя жена волнуется, когда меня нет дома. Он не настаивал.

После меня у него часто ночевал Сванидзе, брат его первой жены. Видимо, ему было скучно совсем одному. Позже, когда Сванидзе не стало, у Сталина никто ночевать уже не оставался, и он не предлагал этого никому.

Он запирался в спальне один изнутри. Видимо, у него появилась мания преследования на фоне его расправ с людьми. И страх...

«Завещание» Ленина

Не раз мне задают вопрос: почему вы, члены ЦК, не выполнили завещание Ленина о смещении с поста Генсека ЦК партии Сталина?

В этом плане как-то Игнатов, бывший Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР (которого я лично знал раньше с хорошей стороны, а потом узнал с самой плохой, как интригана и карьериста), мне говорит: «Почему вы теперь критикуете Сталина? Виноват-то не Сталин, а вы, которые не приняли его отставки после того, как было оглашено завещание Ленина, и Сталин попросил отставку с поста Генсека». Игнатов это говорил с ехидной улыбкой на лице, с чувством того, что наносит уничтожающий удар по мне.

Хорошо ему было рассуждать, когда он не участвовал в руководстве партии до последних лет жизни Сталина. Я даже не могу сказать о действительном отношении Сталина к Игнатову. Как надо было выслужиться перед Сталиным, чтобы тот поднял его за несколько лет до своей смерти на высокий пост наркома заготовок, потом сделал секретарем ЦК? И тот же Игнатов проявлял полное согласие с Хрущевым, когда тот в критике Сталина часто перебарщивал, применял несдержанные выражения и этим, по существу, вызвал недовольство даже тех, которые к Сталину относились критически. В это время Игнатов никаких замечаний не делал, стре-

мясь использовать влияние Хрущева и вновь занять видное положение в партии, опираясь на его поддержку! Но и Хрущев, в конце концов, распознал его.

Вопрос же Игнатова ко мне действительно законный.

В то время я был молодым членом ЦК, работал в области, не был достаточно в курсе того, что происходило в центре, и не был информирован о внутренней жизни Политбюро, об отношениях между руководящими товарищами так детально, как было бы необходимо, чтобы иметь основание для суждения.

Когда мы прочитали письмо Ленина съезду, которое стало называться «завещанием», я, как и многие члены ЦК, не думал, что это завещание. Скорее всего, нам казалось, что Ленин, чувствуя, что заболел надолго, но все же не теряя надежды, что вернется к работе, опасался, что в его отсутствие, без его участия руководители ЦК могут рассориться, в результате чего может произойти раскол партии. Поэтому он счел нужным дать оценку каждому крупному деятелю, чтобы те не забывались и работали дружно, как это было при нем, когда он мог руководить работой ЦК.

Мы так думали потому, что, кроме характеристики отрицательных черт вождей партии, о которых говорил Ленин, он внес единственное негативное предложение: сместить Сталина с поста Генсека. Кого вместо него – нет никакого намека. И это решало дело. Указание Ленина о том, чтобы иметь товарища, который обладал бы всеми положительными сто-

ронами Сталина и был свободен от его недостатков, мы выполнить не могли, потому что не могли даже придумать, кто мог быть таким человеком. Ведь он в этом же письме, как говорится, «всех помазал». Условие было очень жестким. В составе ЦК вне круга упомянутых Лениным лиц мы не знали такого человека с достаточным авторитетом и признанием.

У Ленина были предложения для предотвращения раскола в ЦК и сплочения руководства – это расширенный состав ЦК с вовлечением в него партийных рабочих и создание ЦКК и РКИ – органа, который должен быть гарантией, сдерживающей вождей от внутренней борьбы и от опасных шагов, ведущих к расколу. Это второе предложение было выполнено, правда, через несколько лет. В первое время этот орган играл намеченную Лениным роль, но постепенно, по мере обострения внутренней борьбы, он оказался не в силах выполнять функции, предусмотренные Лениным.

* * *

Потом в неофициальных разговорах со слов Крупской стали известны два факта.

Во-первых, достоянием съезда это письмо может быть только после смерти Ленина. Так он сказал Крупской. Известно, что этот документ он писал в течение нескольких дней. Возможно, когда писал, так и думал, он не имел в виду, что это завещание. А когда кончил, может быть, почув-

ствовал, что силы покидают его, и он не сумел дополнить его моментами, которые придали бы этому документу характер завещания. Но конечно, раз он сказал, что предать гласности это письмо можно только после его смерти, то уже это означало завещание.

Во-вторых, Крупская сказала, что Ленин называл Рудзутака взамен Сталина на пост Генсека. У Ленина сложилось впервые мнение о Рудзутake накануне профсоюзной дискуссии. А когда мы обсуждали письмо Ленина, Рудзутак не проявил членам ЦК каких-то своих особых положительных качеств, да и способностей, которые можно было бы сравнить со Сталиным, у него не было. Рудзутак тогда руководил Туркестанским Бюро ЦК партии и работал хорошо. Но в наших глазах он не имел такого веса и авторитета, чтобы избрать его на пост Генсека. Многие говорили о его нерешительности, нетвердости в своих мнениях.

Конечно, могли подумать об Орджоникидзе. У меня эта мысль тогда возникла. По своим способностям он был слабее, чем Сталин. Но он был отличнейшим во всех отношениях коммунистом. Недостатком его была горячность, за что он подвергся острой критике со стороны Ленина в связи со стычкой с грузинскими уклонистами. Однако, если бы мы и выдвинули его кандидатуру на пост Генсека, то сам Серго категорически бы отказался и не пошел бы на это.

Кандидатура Кирова, которую через десяток лет кое-кто среди областников называл на этот пост, в то время не могла

быть выдвинута, потому что тогда он еще не успел проявить своих способностей, и у него была относительно скромная работа, которую он отлично выполнял как секретарь ЦК Компартии Азербайджана. Он тогда мало выступал и не был известен широкому кругу партийных руководителей. Поэтому его кандидатура, конечно, не рассматривалась.

Из упомянутых руководителей партии оставались кандидатуры Рыкова и Томского, но Ленин при жизни критиковал их слабые стороны, особенно Рыкова. А в «завещании» он его вовсе не упоминал. Но ведь был такой факт, что Рыков в 1917 г., в первые дни Октября, когда с левыми эсерами шли споры насчет состава правительства, вместе с группой других наркомов покинул свой пост, подал в отставку в знак несогласия с тем, что наша партия одна формирует правительство. Покинувшие свои посты позднее вернулись. Этот шаг не расценивался нами как штрейкбрехерство Зиновьева и Каменева в предоктябрьские дни, но все-таки это было вроде удара в спину партии в ответственный момент. Наконец, это было нарушением партийной дисциплины, ибо их назначил на посты наркомов ЦК партии.

Известно также, что Ленин несколько раз в мягкой форме критиковал Рыкова. Помню, что в одной из речей Ленин говорил о том, что наши руководители ездили лечиться за границу. Ленин сказал, что делал это и Рыков. И Ленин надеется, что, сделав операцию, немецким врачам удалось вырезать все отрицательное в характере Рыкова и, оставив это

им на память, Рыков вернулся, наконец, свободным от них. Это вызвало смех. Это была тонкая критика и предупреждение, чтобы Рыков учел свои недостатки.

Томский по кругозору был слабее Рыкова, у него были свои недостатки, о которых говорил Ленин. В профсоюзной дискуссии он стоял на позиции Ленина, но много раз допускал высказывания, которые имели отрицательное политическое значение, за что на майской конференции в 1921 г. Ленин в резкой форме его критиковал.

Конечно, можно было бы назвать тогда Калинина, который действительно был свободен от недостатков Сталина и обладал многими положительными качествами и способностями. Но это был человек совсем другого характера, мы не думали, что он мог подойти на пост Генсека. Он был отличным Председателем ЦИКа, хорошо связывавшим государство с трудящимися, особенно с крестьянством.

* * *

Вот обо всем этом мы думали и обменивались мнениями между собой. Это одна сторона дела.

Другая сторона дела заключалась в том, что никто из тех вождей, которым Ленин дал оценку в своем письме: ни Троцкий, ни Зиновьев, ни Каменев, ни Бухарин, ни Пятаков не выступили за смещение Сталина с поста Генсека, как это предлагалось Лениным, а голосовали за то, чтобы он остал-

ся на этом посту. Некоторые активно поддерживали Сталина, а Троцкий, как помнится, не высказывался, но голосовал вместе с другими. Более того, я не помню, чтобы и Крупская настаивала на исполнении этого пункта письма Ленина.

Кроме того, не надо забывать, что между временем написания этого письма Лениным и моментом, когда оно стало достоянием членов ЦК и съезда, прошло полтора года, полных важных событий, которые говорили в пользу Сталина. Какие же они?

Сталин держал себя на посту Генсека скромно. Я бы сказал, чрезвычайно скромно, подчеркнуто скромно. Даже иногда держал себя так, как будто он и не Генсек, а один из секретарей ЦК. И до этого, кажется, ни разу даже не подписывался как Генсек, а подписывался просто как секретарь ЦК.

На заседаниях Политбюро он никогда не председательствовал. Не без его влияния и участия был сохранен порядок до Великой Отечественной войны, по которому председательствование осуществлялось одним из членов Политбюро (сперва Каменевым, потом Рыковым, а затем Молотовым), хотя повестку подготавливал Генеральный секретарь Сталин. На заседаниях он вел себя скромно, первым не высказывался. Как правило, прислушивался к мнению других. Потом выражал согласие или особое мнение, что создавало очень хорошую, товарищескую атмосферу для выражения своих мнений товарищами, поскольку Сталин, не высказываясь первым, не связывал людей своим мнением. Я не пом-

ню ни одного партийного съезда, ни одной партийной конференции, ни одного Пленума ЦК (до Великой Отечественной войны), чтобы Сталин открыл или закрыл заседание, чтобы он произнес вступительное слово или заключительную речь. Все это выполняли другие члены Политбюро, а на съездах и конференциях – члены президиумов и в их числе работавшие на местах.

Фактов грубостей со стороны Сталина в тот период, о котором идет речь, мы не знали. Даже в отношении Троцкого, во время дискуссии в 1923 г., когда Ленин еще был жив, но уже не мог участвовать в работе, когда Троцкий бросил перчатку внутрипартийной борьбы, и много лет после этого, до того, когда партийная борьба вышла на улицы Москвы (демонстрация студентов МВТУ, митинг на Воздвиженке – нынешнем проспекте Калинина, выступление Смилги на балконе углового дома Приемной) ВЦИК, Сталин вел себя спокойно, сдержанно, ни разу не выходил из себя.

На меня и на других также произвела огромное впечатление его клятва над гробом Ленина. Клятва сильная по своему содержанию, захватывающая, полная любви к Ленину и преданности ленинизму. Слова Сталина: «Товарищ Ленин, мы сохраним твои заветы о единстве партии» – звучали настолько искренне, что произвели на меня и на всех остальных очень сильное впечатление. Казалось, что лучше сказать нельзя, и это то, что можно сказать при прощании с Лениным. Это подняло его в наших глазах еще больше, чем когда

бы то ни было.

И несколько лет после этого он в целом держал себя в рамках этой клятвы, хотя и были отдельные срывы. Но они не меняли общей картины. Ведь Ленин боялся, что Сталин в силу своего характера может привести партию к расколу.

Меня поразило решение Политбюро, которое было принято по предложению Сталина, об опубликовании решения ЦК (кажется, 1924 г.), где говорилось, что в партии ходят слухи, что якобы Троцкий отстранен или будет отстранен от руководства в партии, а главное, что врезалось мне в память, это фраза о том, что «Политбюро не мыслит свою работу без участия Троцкого». Это было вызвано тем, что тогда Зиновьев подготовил вопрос об исключении Троцкого из Политбюро.

Я был за то, чтобы его оставили там. Потом, при встрече со Сталиным, я говорил ему: «Я считаю предложение Зиновьева неправильным. Однако зачем нужно было выпускать такой документ, в котором утверждается, что Политбюро не мыслит свою работу без Троцкого? Ведь неизвестно, как он поведет себя в дальнейшем. Да и теперь он мало участвует в организаторской работе Политбюро».

Сталин мне ответил, что такой документ нужен был потому, что в партии распускаются слухи, что мы хотим его изгнать из ЦК, преследуем. Он окажется человеком, обиженным руководством партии, и вызовет к себе сочувствие. А мы и в самом деле из Политбюро не собираемся его изгонять.

И действительно, до 1927 г. Троцкий был в руководстве партии, борясь все время с ЦК, то усиливая эту борьбу, когда обстановка казалась ему подходящей, то затушевывая и ослабляя ее. Из Политбюро он был исключен лишь 23 октября 1926 г., но оставался в составе ЦК до октября 1927 г. И только после того, как Троцкий усилил атаки на партию и на ЦК, переходя пределы, допускаемые Уставом партии, тогда были сделаны более серьезные организационные выводы. 14 ноября 1927 г. Троцкий был исключен из партии и выслан в Алма-Ату. Этим самым имелось в виду оторвать его от политического центра. А он там еще более зарвался, стал рассылать по организациям резкие, антипартийные письма, мобилизуя своих сторонников. Положение сложилось совершенно нетерпимое, и тогда, в 1929 г., мы в ЦК решили выслать его за границу, что и было сделано. В 1932 г. Троцкий был лишен советского гражданства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.